

Л. М. Бондарева, А. С. Молчанова

**К ВОПРОСУ ОБ ИЕРАРХИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЕДИНИЦ КАТЕГОРИИ «ПАМЯТЬ»
В ТЕКСТАХ НЕМЕЦКИХ АВТОБИОГРАФИЙ**

Рассматриваются особенности текстовой актуализации категории «память» на лексическом уровне. Особое внимание уделяется иерархической организации лексических единиц с семантикой памяти в автобиографических текстах немецких авторов.

The article describes the lexical representation of the category «memory» in the text. Special attention is paid to the hierarchical organization of lexical units with the “memory” seme in autobiographical texts by German authors.

Ключевые слова: автобиография, категория «память», семантическое значение, иерархически организованная структура.

Key words: autobiography, category “memory”, semantical value, structure with hierarchical organization.

Систематизация и интерпретация способов манифестации речемыслительных процессов, осуществляемых языковой личностью в ходе ее познавательной деятельности, относятся к актуальным проблемам современной антропоцентрически ориентированной лингвистики. Важное значение в этой связи уделяется изучению особенностей ментально-когнитивной деятельности речевого субъекта, имеющей ретроспективную направленность и реализующейся в текстах мемуарно – автобиографического жанра. При этом в центре внимания исследователей неизбежно оказывается феномен человеческой памяти, осмысливаемый как сложная семантическая категория, которая эксплицируется в подразумеваемых текстах прежде всего на лексическом уровне.

Как показали наши исследования, лексика с семантикой памяти, функционирующая в текстах немецкоязычных автобиографий, может быть систематизирована в рамках двухмерного линейно-иерархически организованного пространства.

Мы полагаем, что при линейном структурировании лексических единиц (ЛЕ), входящих в состав семантической категории «память», следует говорить об их распределении по ряду семантических зон (например, номинативная зона, зона активности памяти, зона динамики памяти, зоны периферийных видов памяти и т.д.), которые расположатся в едином линейном пространстве, то есть по горизонтали.

В свою очередь под вертикальной (иерархической) организацией ЛЕ данной категории подразумевается способность языковых элементов каждой семантической зоны к своего рода поуровневому стержневому «разворачиванию». В результате речь может идти о существовании трех взаимосвязанных уровней репрезентации конститuentов категории «память», где принадлежность ЛЕ к тому или иному уровню определяется следующими субстанциальными признаками:

- 1) характер соотнесенности лексических единиц с базовым концептом (непосредственный/опосредованный);
- 2) степень использования семантического потенциала языковых единиц (минимальная/максимальная);
- 3) степень экспрессивной окраски.

В таблице представлена вертикальная структура ЛЕ.

Уровень	Семантическая зона
Первый	1. Прямая тематическая соотнесенность ЛЕ с базовым концептом
	2. Стандартная степень использования семантического потенциала ЛЕ
	3. ЛЕ с нулевой образно-экспрессивной окраской
Второй	1. ЛЕ с контекстуально обусловленным значением
	2. Расширение семантического потенциала ЛЕ
	3. ЛЕ с нулевой образно-экспрессивной окраской
Третий	1. ЛЕ с метафорическим значением

2. Максимальная степень использования семантического потенциала ЛЕ
3. Образно-экспрессивная окраска ЛЕ

Как очевидно, актуализация любой ЛЕ категории «память» является облигаторной на первом уровне. Второй уровень выполняет факультативную роль, поскольку в рамках некоторых семантических зон «развертывание» значения ЛЕ может происходить не последовательно, а скачкообразно, то есть в процессе перехода с первого сразу на третий уровень, минуя второй. Функционирование ЛЕ в вышеописанном иерархически организованном пространстве, осуществляющееся в немецкоязычных автобиографических текстах, целесообразно рассмотреть на примере ядерной леммы *Gedächtnis*, входящей с точки зрения линейной упорядоченности в номинативную зону.

Уровень	Номинативная зона
Первый	das Gedächtnis
Второй	die Erinnerung
Третий	Значение локализации информации: 1) в частях человеческого тела (<i>die Augen, die Füße, die Arme</i> и др.) 2) в понятиях абстрактного характера, соотносимых с человеческим телом (<i>die Seele, метафора das Herz</i> и др.) 3) в неодушевленных объектах, что сопровождается акцентуацией структурированного характера памяти (<i>die Kommode / Gedächtniskommode, die Kommodenfächer, der Roman, die Bildgalerie, die Kamera</i> и т. д.)

На первом уровне репрезентации лексема *Gedächtnis* реализует свое стандартное лексическое значение «хранилища» прошлого опыта и фигурирует в подобном качестве во всех без исключения автобиографических текстах.

Показателен в этой связи пример из произведения немецкой писательницы Б. фон Шуттнер, в котором описывается процесс сохранения эмоционально окрашенной информации в памяти автобиографа: «*Die Dame, die vier – bis fünfunddreißig Jahre alt sein mochte, schien uns ungeheuer bejährt, und die Erinnerung an ihre Gesangproduktion blieb uns jahrelang als eine furchtbar komische Episode im Gedächtnis*» [6, S. 60].

В аналогичном значении лексема *Gedächtnis* употребляется в следующем фрагменте из автобиографии классика немецкой литературы XIX века Теодора Фонтане «*Meine Kinderjahre*»: «*Von einem dieser Abende, der mir noch besonders lebhaft im Gedächtnis ist, weil seiner, auch in späteren Jahren noch, öfters und in allerhand Einzelheiten gedacht wurde, will ich hier erzählen*» [1, S. 121].

Такими словами писатель начинает рассказ об одном из удивительных рождественских вечеров своего детства. Этот светлый период с особой четкостью отложился в памяти автора и продолжает жить в ней, что подтверждает употребление в данном предложении наречия *lebhaft*.

Относительно второго уровня сразу хотелось бы отметить тот факт, что в текстах немецких автобиографий синонимом лексемы *Gedächtnis* может стать другая ядерная лексема категории «память» – существительное *Erinnerung* («воспоминание»), являющееся в определенном смысле антиподом памяти. С одной стороны, соотношение данных ЛЕ изначально предполагает характер их существования на базе модели «часть – целое», так как память является неким конгломератом отдельных воспоминаний. Вследствие данного обстоятельства каждое воспоминание можно трактовать как «частицу» памяти. С другой стороны, память всегда ассоциируется с определенным резервуаром воспоминаний, то есть выступает в качестве статичного феномена, в то время как воспоминания служат непосредственными актуализаторами памяти, что свидетельствует об их динамичном характере.

Подтверждением подобной семантической трансформации лексемы *Erinnerung* может служить пример из произведения Ф. Левальд «*Meine Lebensgeschichte*»: «*Auch der Sommer, welcher diesem Frühjahr folgte, ist mir in der Erinnerung lieb geblieben*» [3, S. 91]. Ф. Левальд пишет о том памятном лете, когда ее отец принял решение дать дочери возможность учиться. Перспектива получения образования для немецкой женщины, изначально ограниченной в обществе рамками известного стереотипа *Kirche – Küche – Kinder*, несомненно, обозначала решающий поворот в жизни самой известной восточнопрусской писательницы XIX века.

В данном случае существительное *Erinnerung* обладает семантикой статичности, маркируя процесс консервации информации в сознании автобиографа, что отражается в значении

сопровождающего эту лексему глагола *behalten*. В результате подразумеваемое существительное утрачивает свой «активный» характер, функционируя в процитированном примере в качестве полного контекстуального синонима к существительному *Gedächtnis*.

Подобный текстовый пример мы находим в тексте воспоминаний австрийского писателя А. Шницлера «*Jugend in Wien. Eine Autobiographie*», в котором контекстуально обусловленный статичный характер существительного *Erinnerung* дополнительно эксплицируется также благодаря использованию соответствующего глагола *behalten* с семантикой сохранения, удержания информации о прошлом опыте:

«*Noch heute habe ich die Estamtam – Getanzeln im Ohr, die damals besonders beliebt waren, und aus einem bestimmten Grunde habe ich eine der Strophen wörtlich in der Erinnerung behalten*» [5, S. 185].

При рассмотрении третьего уровня проявляется наиболее многогранный характер «разворачивания» значений лексемы *Gedächtnis*, поскольку речь идет о метафорике памяти в немецких автобиографических текстах.

В исследуемом контексте представляют интерес те фрагменты автобиографий, где субъекты воспоминаний интерпретируют периферические виды памяти (например, визуальную, эхоическую, или акустическую, тактильную и т.д.). Хранилищем такой памяти становится все человеческое тело, помнящее вкус, цвет, запах, звуки, ощущения, связанные с давно пережитыми событиями, что позволяет говорить о наличии на третьем уровне лексем со значением мест локализации сохранившейся информации. В качестве таких локусов могут выступать определенные части человеческого тела, то есть речь идет о «памяти глаз», «памяти рук», «памяти ног» и др.

Иллюстрацией к вышесказанному являются следующие отрывки из автобиографий К. Манна и Э. Кестнера.

«*Wie deutlich ich das Bild vor Augen habe! Der Vater dort oben, im Rahmen des offenen Fensters... Und nun winkt er mir zu, mit einem müden und ernsten Lächeln*» [4, S. 244].

«*Königsberger Straße 48, das zweite Haus meiner Kindheit. Wenn ich, in diesem Augenblick, in München und als, wie man so sagt, älterer Herr, die Augen schließe, spüre ich die Treppenstufen unter meinen Füßen und die Treppenkante, auf der ich hockte... Wenn ich mir die vollgepackte Einkaufstasche aus braunem Leder vorstelle, die ich treppenauf trug, zieht es zunächst in meinem linken Arm und dann erst im rechten*» [2, S. 55].

В других случаях память приравнивается автобиографами к душе и сердцу человека: именно здесь накапливаются и концентрируются наиболее значимые в эмоциональном плане жизненные события, оказывая влияние на дальнейшую судьбу повествователя.

Так, метафора «память – душа» встречается в автобиографии Т. Фонтане «*Meine Kinderjahre*», где умудренный годами писатель с неутраченной душевной болью вспоминает о методике воспитания детей, господствовавшей в доме его родителей:

«*Jene [Strafen. – Л. Б., А. М.] haben keinen großen Eindruck in meiner Seele hinterlassen, aber diese, die bloß auf Befehl erfolgten, schmerzen mich bis diesen Tag*» [1, S. 177].

Метафора «память – сердце» упоминается в «детской» автобиографии Э. Кестнера «*Als ich ein kleiner Junge war*», когда писатель описывает свои отношения с престарелой матерью: «*Jetzt hatten ihre Augen sogar mich vergessen, ihr einziges Ziel und Glück! Doch nur die Augen. Ihr Herz nicht*» [2, S. 120–121].

Показательно, что в данном фрагменте наряду с анализируемой метафорой вновь говорится об уже отмеченной выше «памяти глаз».

Следующая группа лексем – локусов памяти на третьем уровне – соотносится с неодушевленными объектами, такими, как комод, шкаф, картинная галерея, книга и т.д.

Так, в одном из эпизодов повести Э. Кестнера «*Als ich ein kleiner Junge war*» автор использует метафору «память – комод» (употребляя при этом наряду с ЛЕ *Kommode* сложное существительное *Gedächtniskommode*), акцентируя подобным образом структурированный характер памяти: в комоду есть ящики (*Kommodenfächer*), в которых и хранится информация. Ясная детская память сравнивается писателем с настоящей «гардеробной комнатой» (*Schrankzimmer*) со множеством шкафов и противопоставляется уже ослабленной временем памяти взрослого: ящики такого «комода» могут «заклинивать» и быть наполовину пустыми.

Ср.: «*Gedächtnis und Erinnerung sind geheimnisvolle Kräfte. ...das gute Gedächtnis und das schlechte wohnen im Kopf. Hier sind die Fächer für alles, was wir gelernt haben. Sie ähneln, glaub ich, Schrank- oder Kommodenfächern. Manchmal klemmen sie beim Aufziehen. Manchmal liegt nichts drin und manchmal etwas Verkehrtes. Und manchmal gehen sie überhaupt nicht auf. Dann sind sie und wir «wie vernagelt». Es gibt große und kleine Gedächtniskommoden. Die Kommode in meinem eigenem Kopf ist, zum Beispiel, ziemlich klein. Die Fächer sind nur halbvoll, aber einigermaßen aufgeräumt. Als ich ein kleiner Junge war, sah das ganz anders aus. Damals war mein Oberstübchen das reinste Schrankzimmer!*» [2, S. 56].

Интересными видятся также фрагменты из произведения Б. фон Шуттнер «Lebenserinnerungen», в которых функционируют метафоры «память — картинная галерея» и «память — фотоаппарат», что подтверждает приоритет визуальной памяти перед другими ее периферическими видами: «Das nächste Bild aber in dieser mir unauslöschlicher *Bildgalerie* zeigt mir also das strahlend gekleidete, schöne und energische Wesen...» [6, S. 38].

«Die Erinnerung an einem Landaufenthalt des Jahres 1854 ist mir lebhaft im *Gedächtnis* haftengeblieben. Heute noch sehe ich verschiedene Bilder aus dem Schlosse, dem Garten und dem Wald der Herrschaft Matzen vor mir, während viele andere Szenerien, die ich seitdem gesehen habe, meinem *Gedächtnis* entschwunden sind. Man trägt doch eine eigentümliche *Kamera im Kopf*, in die sich manche Bilder so tief und deutlich einätzen, während andere keinen Spur zurücklassen» [6, S. 46].

Достаточно распространенным в автобиографической литературе является сравнение памяти с книгой, которую можно читать, перелистывая страницы и останавливаясь на тех или иных эпизодах, чтобы перечитать их заново: «Blickt man in vorgerückten Jahren auf sein Dasein zurück, so scheinen sich, wie *Kapitel eines Romans*, mit kunstgerechter Absicht voneinander geschieden, die einzelnen Abschnitte aneinanderzureihen» [5, S. 146].

Таким образом, на основании вышесказанного представляется закономерным сделать следующий вывод: реализация семантического потенциала категории «память» в проанализированном языковом материале носит двойственный характер, что проявляется в распределении ЛЕ категории по горизонтальной и вертикальной осям. Вертикальное «разворачивание» семантического значения языковых единиц происходит на базе иерархически структурированной трехуровневой системы, подтверждающей упорядоченность способов репрезентации составляющих категории «память» при ее актуализации в текстах немецкоязычных автобиографий.

Список литературы

1. Fontane Th. Meine Kinderjahre. Frankfurt a/M., 1983.
2. Kästner E. Als ich ein kleiner Junge war. B., 1977.
3. Lehwald F. Meine Lebensgeschichte. Frankfurt a/M., 1980.
4. Mann K. Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht. B., 1979.
5. Schützler A. Jugend in Wien. Eine Autobiographie. München, 1985.
6. Schuttner B. von. Lebenserinnerungen. B., 1968.

Об авторах

Людмила Михайловна Бондарева — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Анна Сергеевна Молчанова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: annamolchanova 2009@rambler.ru

Authors

Ludmila Bondareva — PhD, associate professor, I. Kant Baltic Federal University, e-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Anna Molchanova — PhD student, I. Kant Baltic Federal University, e-mail: annamolchanova 2009@rambler.ru